Автор: Administrator
05.10.2009 18:43 - Обновлено 05.10.2009 19:09

На краю голубой долины, куда сорока не может долететь, у подножия ледяной горы, на которую ворон не залетает, стоял маленький, как сердце, аил. Из него вился тонкой нитью белый дым. В аиле жил смуглый мальчик Юскюзек.

Он кормился молоком бурой коровы, играл с желтой козой, ездил на буланом коне. Вот раз проснулся Юскюзек, кликнул коня, а коня-тои нет и коровы нет, и коза пропала. На вершину ледяной горы ведут следы семи волков.
Громко заплакал Юскюзек:

- Оглянусь назад-кроме тени, нет ничего. Руки подниму - только за уши ухватиться можно. Чет у меня отца, который поддержал бы. Нет матери, что пожалела бы. Птенцу, выпавшему из гнезда, все равно где сгнить. Пока не отомщу волкам, домой не вернусь!

И ушел Юскюзек от своего круглого, как сердце,аила.

Идет день. Идет ночь. Вот поднялся он на узкое ребро горы. Шагнул - и скатился в пропасть. Здесь ни солнца, ни луны не видно. Закричал Юскюзек. Этот одинокий плач тронул сердце орла Каан-Кередэ. Сомкнул Каан-Кередэ широкие крылья, камнем упал на дно пропасти, когтистой лапой схватил Юскюзека и поставил его туда, где листья на деревьях не желтеют. Кукушка там нежно кукует весь год.

Прямо против Юскюзека, на розовой каменной россыпи, лежали семь серых волков, опустив свои черные-морды на твердые лапы. Юскюзек выхватил из-за пояса синий топор.

- Где мой буланый конь? Где бурая корова? Коза моя где?

Что дальше было, не помнит Юскюзек. Очнулся он в большой пещере. На полу - медвежьи шкуры. Шелковые занавеси затканы лунным и солнечным узором. Семь. волков подают Юскюзеку золотую чой-чойку с крепким чаем, золотой поднос с жирным кушаньем. Юскюзек, поел.

- Не хотите ли теперь на свой скот взглянуть? Юскюзек вышел из пещеры.

Сытый буланый конь опустил ему на плечо свою шелковистую гриву. Корова пришла с приплодом; коза скачет, бородой трясет.

- Что подарить вам? - спрашивают волки.

- Если не жаль, дайте щенка, что валяется у вас под порогом.

Семь серых волков, как один, спиной повернулись, тяжелую слезу уронили.

- Берите собаку.

С розовой каменной россыпи, от вечно цветущей белой черемухи ушел Юскюзек. Шел по зыбким болотам, поднимался на крутые горные перевалы. Шел серым степным песком. Но дороги домой не видно. Юскюзек сел на пень и закрыл глаза.

- Приди, смерть! Меня, голодного, ты легко победишь.

Но смерть не пришла. Открыл глаза Юскюзек. Что такое? Стоит перед ним поднос. На подносе сыр и мясо. Поел Юскюзек, отдохнул, накормил щенка. Встал, а перед ним голубая долина и под мышкой у ледяной горы круглый, как сердце, аил. Юскюзек зажег в темном аиле веселый костер и видит: через край деревянной чашки льются розовые сливки, над очагом в медном котле кипит густо заваренный чай. Кто это приготовил?

Юскюзек лег на козью шкуру, закрыл глаза.

Всю ночь и все утро лежал не шевелясь. Солнце из-за гор давно вышло, а Юскюзек все лежит.

В полдень желтый щенок заскулил, завозился. Взвыл раз, взвыл другой, встряхнулся, и упала собачья шкура. Девушка к очагу подошла. Ре серьги - как

две луны.

Брови бархатно-черные. Золотые косы нежно сияют.

Юскюзек схватил собачий мех, а красавица ударилаладонями по круглым коленям. Открытые глаза полны слез.

- Отдайте мне мою шкуру! Юскюзек на оба колена пал.

- Грязными пальцами вас тронуть нельзя. Вопроса вам задать я не смею, почему вы собакой стали.

- Караты-хан хотел меня в жены взять. Чтобы избавиться от него, мои братья обернулись волками, а я собакой. Зовут меня Алтын-Чач - Золотые Волосы. Отдайте мою шкуру.

Юскюзек спрятал собачью шкуру в золотой ящик, запер в железный сундук и все это опустил в деревянный ларь.

Вот как-то раз у Караты-хана пропал белый, как молоко, жеребец с четырьмя ушами. За жеребцом убежал табун молочно-белых кобылиц. Караты-хан сам поехал искать их. Куда только взгляд может достичь, всюду смотрел Караты-хан: белого табуна не увидел. Уже хотел повод обратно повернуть, но вдруг заметил он на краю голубой долины, под мышкой у ледяной горы, тихий свет.

Присмотрелся Караты-хан: огонь выходит из маленького, как сердце, аила.

Подобрал Караты-хан полы шубы хлестнул восьмигранной плетью своего иноходца. Как стрела из тугого лука полетел бурый конь.

- Э-эй! - вскричал Караты-хан. - Чей аил горит?

Юскюзек с испугу позабыл достать собачью шкуру. Алтын-Чач выбежала как

была.

И понял Караты-хан: не луна светит, не аил горит,- это волосы Алтын-Чач отражают утреннюю зорю.

Подобно низкой горе сдвинулись брови Караты-хана. Как бурная река рвет берег, так разорвал, искусал он свои губы. Повернул повод коня и, не оглядываясь, позабыв о своем табуне, проскакал в свой белый дворец.

Он не может на трон сесть: трон будто раскаленный камень. Он есть не может: будто кость застряла в горле. Из круглой сумки достал бумагу и стоя написал:

"Я, хан Караты-каан, владеющий всеми народами Алтая, бесчисленным белым и красным, рогатым и однокопытным скотом, вызываю тебя, безлошадного Юскюзека, на великий подвиг.

Если ты достанешь из орлиного гнезда золотое яйцо, то мои народы, говорящие на шестидесяти разных языках, твоими будут. Мой скот шестидесяти мастей я тебе отдам.

Но если я, хан Караты-каан, тебя в аиле найду, Алтын-Чач моей станет.

Твою голову отрублю - к твоим ногам приложу, твои ноги отрежу - к голове приставлю.

Эту грамоту писал я, хан Караты-каан, ездящий на темно-буром коне".

На краю дымохода во дворце всегда сидели два ястреба.

- Быстрее слов летите! - сказал им Караты-хан. Ястребы, прихватив клювами грамоту, устремились к маленькому аилу, бросили письмо и улетели.

Алтын-Чач прочла грамоту. Лицо ее два раза потемнело, два раза

побелело.

- Караты-хан велит тебе за золотым яйцом к орлиному гнезду идти.

С того дня Юскюзек днем без отдыха, ночью без сна шел. Таяли дни, как снежинки. Годы, как змеи, ползли. Летом солнце ему плечи жгло. Когда снег за ворот падал, он зиму узнавал. Шел он, все шел - и вдруг растаяла черная туча. Бронзовый тополь с девяноста девятью сучьями перед Юскюзеком стоит. Из-под корней тополя глядят глаза змеи. На вершине тополя в большом гнезде - два орленка.

Юскюзек отвел от ледяных зрачков змеи свои теплые глаза. Натянул черный лук. Концы лука сошлись. Юскюзек спустил стрелу. Три змеиные головы покатились в три конца земли. Из змеиной крови черное море налилось. Как вечная большая гора, тело змеи на берегу лежит.

- Потухший костер кто раздул? Мертвых нас кто оживил? - крикнули орлята.

Юскюзек вышел из-за тополя.

Орлята выпростали голые крылья. Юскюзек ухватился за них, и орлята подняли его в гнездо.

Луна всходила - Юскюзек с орлятами мясо варил, трубку курил. Луна таяла - Юскюзек с орлятами песни пел. Сколько раз вставало солнце, они не считали. Только когда страшный ветер подул, замолкли орлята.

- Это наш отец и мать крыльями машут. Густой, буйный дождь пролился.

- Это отец с матерью по нас плачут. Над горами, над реками, над всем широким Алтаем распластались два крыла, это Каан-Кередэ орел летит. И еще

два крыла над всей землей распахнулись отвосточного конца неба до западного:

это летела Каан-Кередэ мать.

- Чем в гнезде пахнет?- крикнули птицы Каан-Кередэ.

Как спущенные с тетивы, они рванулись вверх.

- Кто в гнезде сидит?

- Отец, мать, под тополь взгляните! - просят птенцы.

Каан-Кередэ увидели под тополем труп трехглавой змеи. Они пали вниз,

как сброшенные сверху мечи.

Три раза убитую змею глотнули, три раза выплюнули.

- Какой богатырь врага победил?

- Пока ваше сердце не успокоится, пока желудок несогреется, пока клювы

не высохнут, не покажем, - отвечают птенцы.

- Верные наши орлята, богатыря покажите! Мы его когтем не зацепим,

клювом не тронем.

Орлята медленно крылья расправили. Робкими глазами смотрел Юскюзек на

больших орлов, Каан-Кередэ отец взъерошил перья. Каан-Кередэ мать страшным

клекотом заклекотала. Страшным клювом рванула шубу Юскюзека, увидела на его

голом плече четыре глубоких шрама. Четыре раза простонала Каан-Кередэ.

- Когда-то из глубокой пропасти я спасла тебя, Юскюзек. На твоем плече

след моих когтей. Теперь ты орлят наших спас. Что хочешь? Зачем пришел?

- Караты-хан велел мне из вашего гнезда золотое яйцо украсть.

- Мы с Караты-ханом друзьями не были, - отвечают Каан-Кередэ. - Разве

станет он свое добро в чужом гнезде хранить! Золотого яйца у нас нет.

Тут молодые кости Юскюзека окрепли. Его голос мужским стал. От гнева смуглое лицо его посинело.

- Если позволите, - сказал Каан-Кередэ отец, - я отнесу вас к вашему стойбищу.

Сел Юскюзек на широкую спину Каан-Кередэ отца. Вцепился в темные перья. Как летел, не видел. Сколько летел, не понял. Куда попал, сам не знает. На этом стойбище никогда не бывал.

В пустом поле только один развалившийся шалаш стоит. В шалаше - черный, гнилой старик. Передние зубы у старика выпали. Усы побелели. Ноги крепко спутаны тугим ремнем. Шея зажата деревянной колодкой.

- Откуда ты, милый мальчик, пришел?

Дал старик Юскюзеку ломоть курута', угостил его молоком. Поздно вечером к шалашу подошла старуха. Хотела курут пожевать - не нашла. Хотела молока попить - чашка пуста. Подняла старуха деревянный костыль и стукнула старика по голове:

- Последний кусок проходимцу отдал! Как теперь будем жить?

- Шибко не брани меня, старуха. Жив ли, умер ли наш сын, мы не знаем. Я этого голодного накормил, - может быть, и нашего сына люди не оставят.

В полночь старик уснул.

А старуха, думая о молоке и куруте, заснуть не может.

-Курут - сыр, приготовленный из творога, оставшегося после гонки араки.

Плитку этого сыра сушат над костром в дыму.

Со злобой взглянула она на голую спину Юскюзека. Увидела родимое пятно.

Встала старуха, старика трубкой тычет. Старик проснулся, потускневшие глаза налились слезами.

- Э-эй, мальчик, юноша! Проснись! Ты огонь наших глаз. Ты кровь нашей груди. Ты наш единственный сын. Тебе только год был, когда мы подать Караты-хану не смогли уплатить. Нас поймали, связали, далеко увезли. С тех пор о тебе не слышали. Свою смерть мы на девять лет оттянули. Хотели хоть перед смертью тебя увидеть. Юскюзек поцеловал горячими губами сморщенныйрот отца, черные губы матери. Твердыми ладонями погладил их белые волосы.

Старики как сидели - так вечным сном спят. Из дому Юскюзек вышел дитятей. Из орлиного гнезда юношей улетел. Теперь Юскюзек зубы стиснул, выпрямил плечи. Он возмужал, созрел, человеком стал.

Караты-хан ночью не спит. Днем не спит. Все времяна ходу живет. Он ждет вести о гибели Юскюзека, хочет скорее жениться на Алтын-Чач.

- Эй, раб! Ступай в сердцеподобный аил. Посмотри,плачет там или смеется Алтын-Чач. В тот же день обратно вернись, мне правду скажи.

Пятясь, вышел раб из дворца. Быстрее темно-бурого иноходца устремился к аилу Юскюзека. В тот же день вернуться ему приказал Караты-хан. Раб спешил. Раб не останавливался. Раб одним глазом взглянуть хотел-и обратно бежать. Но только полглазом увидал он Алтын-Чач - и забыл, зачем шел. Рот широко открыл, не мигая на Алтын-Чач смотрит.

Волосы ее золотые, как осенние березы. Ресницы -густая хвоя.

День сидел и ночь сидел раб у раскрытой двери Он не знал, зачем шел.

Забыл, куда должен идти.

На второй день земля и небо покачнулись. Черный вихрь ударил. Как сухой лист, взлетел вверх аил Юскюзека. Ездящий на темно-буром коне Караты-хан раба за косу схватил.-Ты как смеешь смотреть на Алтын-Чач?

Намотал Караты-хан косу раба на свою медную руку и перебросил его через две горы...

С сердцем холодным, как вечный камень, с черным сердцем вернулся домой Юскюзек.

- А, это ты, Юскюзек! Где золотое яйцо? Ременной плетью ударил Юскюзека Караты-хан. Питающийся человеческой кровью Караты-хан! - крикнул Юскюзек.-Хвастаясь силой, не бей слабого. Злым языком молчаливых не оскорбляй. Под худым седлом ходит добрый конь. Под рваной шубой может оказаться богатырь непобедимый.

Схватил тут Юскюзек Караты-хана за соболий вороти стащил с темно-бурого коня.

Караты-хан обеими руками обхватил Юскюзека. Началась великая борьба. Семь лет тягались. По щиколотку уходили их ноги в землю на твердом камне. По колено увязали в рыхлой почве. Ни один не упал. Ни одни не коснулся земли рукой. Девять лет боролись. Земля дрожала от их борьбы. Горы прыгали, как сарлыки', а холмы, как лани. Озера вышли из берегов. Реки бросались с камня на камень в разные стороны.

Вот Юскюзек уже тронул землю левой рукой и правымколеном тронул.

- Эй, братья волки! Ой, орлы Каан-Кередэ, помогите! Раскинув крылья над горами и долинами, прилетели орлы. Серые волки, как серые вихри, в семь

глотков сожрали темно-бурого иноходца, семь раз выплюнули. Орлы Каан-Кередэ железными когтями подцепили Караты-хана, унесли его на дно неба и сбросили оттуда на вечный горный ледник. Собакам куска мяса не осталось от тела Караты-хана. Иголкой раз поддеть не осталось куска от шкуры Караты-хана. Ветер развеял прах его, словно пыль.

Как с тех пор жили Алтын-Чач и Юскюзек, что сталос семью волками, где теперь птицы Каан-Кередэ, никто мне не мог рассказать.

Сказки в обработке П. Кучияка